

НАТАЛИЯ ПОЛЯНСКАЯ

Просто поверь

Наталия Полянская

Просто поверь

«Автор»

2021

Наталья Полянская

Просто поверь / Наталья Полянская — «Автор», 2021

ISBN 978-5-043-56526-6

Рэймонда долго не было в Англии. Казалось, истаяли старые связи, позабылись обиды... Но это не так. Стоит вернуться – и прошлое сразу напоминает о себе. Как справиться с тем, что в твоей семье есть постыдные тайны, о которых не рассказывал никому и никогда? А с интересом, что вспыхивает к твоей старой знакомой, с которой расстались врагами? Теперь она – невеста лучшего друга. И ненавидит тебя. И совершенно справедливо.

ISBN 978-5-043-56526-6

© Наталья Полянская, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Наталия Полянская

Просто поверь

Пролог

Кончик шпаги касался горла Рэймонда. Еще полдюйма – и можно отправляться на встречу с Создателем.

– Что вы сделали не так?

– Поверил вашему трюку. – Рэймонд стоял неподвижно, борясь с желанием отвести от горла смертоносный клинок, однако противник такого не любил. За спиной стена – даже отступить некуда.

– Правильно. Никому не верьте. Что я вам говорил?

– Только себе.

– Только себе, – повторил противник, кивнул и, наконец, убрал шпагу. Рэймонд опустил подбородок, потер шею.

– Вы немилосердны, маэстро.

– Вы повторяете это каждый раз, как проигрываете. – Маэстро Сангинетти огорченно прищелкнул языком и одним движением вкинул шпагу в ножны. – И каждый раз я стану вам отвечать: милосердие применимо лишь тогда, когда вы точно знаете, что можете пощадить своего противника и не опасаться удара в спину. В остальных случаях – убивайте.

– За это и повесить могут. Или голову отрубить. Или что там полагается за дуэль в нашей старой доброй Англии? Не ехать же мне в Германию драться.

– А там пока не ужесточили законы? Хм. За хорошей дракой можно и в другую страну съездить. Но я удивляюсь вам, синьор. Неужели вам до сих пор не хватило драк?

Рэймонд скривился.

– Не будем об этом. Примите мое приглашение, маэстро, выпейте со мной вина и отведайте скромного ужина. Я должен вас отблагодарить за очередной урок.

Противники поклонились друг другу, Рэймонд убрал свою шпагу, и оба поднялись из фехтовального зала наверх, на плоскую крышу дома, где слуги заранее накрыли стол для хозяина и его гостя.

Солнце уже садилось за крыши Флоренции, делая красную черепицу и вовсе огненной; огромная птичья стая поднялась над собором Санта-Мария-дель-Фьоре и рванула куда-то вбок, потом вверх – вспугнутые кем-то пернатые, видимо, и сами не знали, куда им нужно. Колокола церковей призывали к вечерне, окутывая город звоном, словно покрывалом. Внизу, на оживленной улице, текла привычная вечерняя река, и вместо плеска к небу поднимались голоса, скрип повозок, топот лошадей.

Некоторое время хозяин и его гость молчали, наслаждаясь вином и закусками. Напиток в хрустальных бокалах просвечивал драгоценным рубином, а городской шум казался изысканной приправой. Рэймонд предпочел бы сидеть так вечно, однако...

– Когда вы уезжаете? – Маэстро Сантинелли удивительно точно отзывался на его мысли, даже не высказанные вслух.

– Послезавтра. Возможно, если все-таки решу ехать.

– А вы не решили? – уточнил итальянец. Рэймонд знал, что маэстро смотрит на него сейчас, но головы не повернул – так и разглядывал купол собора, оставляя его в памяти, как зарубку с обещанием вернуться.

– Почти решил. Почти. Мне не хочется покидать этот город – в конце концов, я свыкся с ним за долгое время, даже говорю теперь, как итальянец.

Маэстро фыркнул.

– Вы говорите как англичанин, прикидывающийся итальянцем, но любому настоящему уроженцу этой земли сразу станет ясно, что перед ним подделка. Ну, не обижайтесь, – добавил он, хотя прекрасно знал, что Рэймонд и не подумает обидеться на подобную чепуху. Если бы за каждый разговор следовало драться, мир был бы покрыт мертвыми телами. – Но что вам присуще, так это желание стать здесь если не своим, то понять нашу страну. Это я ценю. А вот ваши сомнения – нет.

– Простите? – теперь удивился Рэймонд.

– Вы говорите, что не решили, ехать или нет. И наверняка ведь не решили, что станете делать там, на родине, где так долго не были?

– Во-первых, мне будет не хватать солнца. – Рэймонд поболтал остатки алого напитка в бокале. – А во-вторых... да, вы правы. Мое возвращение – необходимость, я не предчувствую ничего приятного и не желаю быть в своем доме больше, чем требуется. Разве что все изменилось... но боюсь, нет. Иначе бы мне сообщили. – Он все-таки допил то, что оставалось, и поставил бокал. Тут же подошел слуга, налил Рэймонду из отдельного кувшина, не из той бутылки, что была откупорена для маэстро Сантинелли. – Потому я сомневаюсь.

– В этом ваша беда и есть, – припечатал маэстро. – В сомнениях. У настоящего воина их быть не должно.

– Вот как?

– Именно. Вы едете или не едете. Вы решаете ваши дела или не решаете. Это простой выбор, и хотя некоторая доля сомнений у каждого человека имеется, все-таки мы живые люди, а не камни, на которых стоят церкви, – не нужно затягивать это дело. А уж если вы отправляетесь в бой, тем более.

– Значит, маэстро, вы никогда не сомневаетесь?

– Никогда. Именно поэтому чаще всего я побеждаю, а вы – нет.

Глава 1

В Лондоне шел дождь. После солнечной Италии, где затянутое тучами небо – это событие поистине государственного масштаба, даже теплый летний ливень казался кощунством. Рэймонду не нравился ни этот дождь (хотя, казалось бы, должен – с дождем у него были особые отношения), ни вечерние улицы города (он забыл, сколько здесь отребья), ни возница наемного экипажа, который пришлось нанять в порту. Никто не знал, когда приедет Рэймонд и приедет ли, хотя отец, конечно, ждет подобного ответа на свое послание; никто не встречал его, и уж тем более не озаботился привести верховую лошадь для хозяина. Кевин заикнулся было о том, что он все раздобудет, однако Рэймонд остановил порыв слуги. Экипаж быстрее.

Дом совсем не изменился. Все тот же фасад с облупившимися кариаидами, все те же дубовые двери, срубленные, казалось, еще при Вильгельме Завоевателе, и два фонаря над входом, в которых еле теплится жизнь. Гостей тут сегодня явно не ждут, да и вообще приемы в особняке Хэмблтонов – явление редкое. Пока Кевин расплачивался с возницей, скандалившим из-за нескольких пенни, Рэймонд поднялся по ступеням и забарабанил в дверь. Кевина тут не знают и могут не сразу открыть, а лицо хозяина известно всем обитателям особняка, даже крысам в подвале. Судя по тем новостям, что доносились до Рэймонда в его итальянском добровольном изгнании, тут годами ничего не менялось.

Сначала приоткрылось окошко на двери, оттуда глянул любопытный глаз, послышалось ойканье, и сразу загремели засовы. Служанка, которую Рэймонд смутно помнил, присела в реверансе, который был проигнорирован.

– Добро пожаловать, сэр. Мы ждали вас, но не думали, что вы приедете так скоро.

– А когда ждали – через год-другой? – хмыкнул Рэймонд, входя внутрь и оглядывая холл. Все чисто и... пусто. Несмотря на то, что здесь стоял большой стол, на который дворецкий обычно складывал шляпы и перчатки проходящих с визитом гостей, и сторожили двери кованые подсвечники, все равно ощущалась неприкаянность. «Да что такое! – рассердился Рэймонд сам на себя. – Отчего я думаю о плохом? Я вернулся домой. Я должен радоваться».

Но радости почему-то не было.

Энтони, невысокий пухлый мужчина средних лет, который служил в лондонском доме Хэмблтонов дворецким уже лет десять, выскользнул откуда-то из-за лестницы и всплеснул руками.

– Лиз, что же ты стоишь! Немедленно доложи хозяину, что приехал мастер Рэймонд. Сэр, позвольте вашу шляпу и плащ. Я велю отнести багаж в вашу комнату, сэр.

– Мой слуга отнесет. Кевин, – Рэймонд кивнул на того, только что втащившего в прихожую два саквояжа, – это мистер Мейси, он управляет лондонским домом. Энтони, мой камердинер Кевин Вуд. Отец в кабинете?

– Скорее всего, да, сэр, если не перешел в библиотеку. Некоторое время назад я подавал ему чай в кабинет.

– Прекрасно. Можешь не провожать меня. Лучше позаботься, чтобы Кевин отнес багаж в нужную комнату. – Особняк был старый (хоть и не времен Вильгельма), и в коридорах запросто можно было заплутать. – Остальное прибудет чуть позже.

– Как скажете, сэр.

Библиотека и отцовский кабинет располагались на втором этаже – не на третьем, под крышей, которая иногда протекала, и не на первом, где городской шум слишком уж мешает работать. Имелся в доме такой остров знаний и сосредоточенности, куда допускались не все. Рэймонд, например, до пяти лет туда не заходил, пока не доказал, что может вести себя спокойно в течение длительного времени. Поднимаясь на второй этаж, сейчас Рэймонд вспомнил об этом и не удержался от улыбки. Что бы ни происходило между ним и родными, дом никогда

его не предавал. Он всегда был простым и понятным – картины, стены... книги. Множество книг в разных обложках, потрескавшихся, новеньких, бумажных, а то и вовсе без обложек, – в шкафах от пола до потолка. Это был рай. Любое место, где жили бумаги и книги, Рэймонду казалось лучшим на земле.

Может, и хорошо, если отец в библиотеке...

Он действительно оказался там. Джонас Хэмблтон, которому стремительная Лиз доложила о приезде сына, сидел в кресле у огня, но поднялся, когда Рэймонд вошел. Отцу было уже далеко за пятьдесят, и Рэймонд с беспокойством и даже некоторым раздражением подумал, что за те годы, пока он не видел лорда Хэмблтона, тот сильно сдал. Некогда густые волосы поредели и зачесаны назад, чтобы скрыть проплешины; у рта, на лбу и у глаз прибавилось морщин; и рука, которую отец протянул для приветствия, еле заметно дрожала. Старость подкрадывается незаметно, закутывая тебя в мягкий кокон, лишая сил. Рэймонд надеялся, что, когда придет его собственный черед, он встретит немощь достойно.

Пока же он пожал отцовскую руку; лорд Хэмблтон сделал движение, словно намереваясь обнять сына, однако Рэймонд отступил, и объятие так и не состоялось.

– Я сказал, чтобы накрывали к ужину, – произнес отец, – и очень рад, что ты успел к нему. Здравствуй, Рэймонд.

– И вас я приветствую.

– Садись. – Лорд указал на кресло напротив. – Сегодня слишком сыро для того, чтобы сидеть где-нибудь еще. Мы топим не во всем доме, и потому сырость прокрадывается и сюда.

– Книги не пострадают? – Рэймонд сел и огляделся. Пыль со шкафов стирают, это хорошо. А вот в углах что-то подозрительное на обоях – это плохо. Если тут заведется плесень, не миновать беды.

– Нет, только мои старые кости. Ноют на перемену погоды, но это ерунда. – Отец тоже опустился в кресло, недовольно скрипнувшее. – Значит, ты получил мое послание.

– Одно из нескольких, я полагаю. Да, оно добралось до меня, и весьма быстро. Мой поверенный в Венеции пересылал мне почту с обстоятельностью, достойной истинного педанта.

– Что же, я рад, что он исполнителен.

– Иначе бы он не стоил своего жалованья. Ну, отец, зачем же мне следовало приехать?

Прав, прав черноглазый итальянец маэстро Сантинелли: не к лицу истинному воину сомнения. Нужно было отправить ответное письмо с вопросом, что же потребовалось отцу, и уж по результатам судить, ехать или нет. Но тон послания лорда Хэмблтона предполагал, будто дело и вправду важное. Всю дорогу от Флоренции Рэймонд гадал – что это, разорение? Или, может, болезнь? Или отец таким образом хочет ввести сына в курс текущих дел, чтобы привязать вольную птичку к английской земле? Вот последнее вряд ли выйдет, пока обстоятельства жизни здесь некоторым образом не изменятся.

К тому же, Рэймонд уезжал один, а вернулся другой. Только до поры до времени этого никому знать не следует. Может, и вообще никому не следует знать.

– Ты тороплив, – заметил отец. На его мягком подбородке проступила щетина, тоже мягкая даже с виду. – Я ожидал вопросов, но не так сразу. Я так давно не видел тебя, Рэймонд. Ты регулярно писал, только в письмах не видно, как ты менялся. Стал выше, шире в плечах. – Лорд Хэмблтон с любопытством разглядывал сына. – Но не толще.

– Вот это было бы лишним.

– Полагаю, что да. Ты действительно хочешь беседовать о делах сейчас? Ты проделал долгий путь и наверняка хочешь поужинать, а затем отдохнуть. Я бы предпочел побеседовать завтра утром.

Рэймонд частенько читал по лицам, как по книгам, сильно преуспев в последние годы, а уж что касается ближайших родственников – тут в большинстве случаев никаких секретов

нет. Особенно в случае отца. Лорд Хэмблтон не ждал сына сегодня и к разговору не готов. Это означало: беседа действительно важная, вокруг мелочей так не танцуют.

Можно заставить отца говорить сейчас, для того человеку и дана способность болтать языком. Даже до грязных уловок не потребуется опускаться, достаточно небольшой настойчивости и намек на просьбу. Рэймонд просил так редко, что отец не устоит. Но, посмотрев еще раз в его вялое, словно скомканное лицо, Рэймонд вздохнул:

– Хорошо. Мы побеседуем о делах утром. Я и вправду устал, а каюты на этом паруснике не слишком удобны. И от Саутгемптона я добирался в утлом челне, который лишь по недоразумению называется кораблем. Корсиканец говаривал, что общество без религии – как корабль без компаса, только эта вот «Святая Маргарита» лучше бы с компасом была и называлась «Пройдоха», все было бы честнее.

Отец засмеялся, и Рэймонд тоже улыбнулся. Он испытывал странное чувство – смешанное удивление и жалость, и еще некоторую досаду на некоторые не меняющиеся вещи. Отец постарел, но, кажется, остался тем же. Впрочем, не стоит судить поспешно.

Ужинали в малой столовой, сидя на разных концах стола – вроде бы не очень длинного, а разговаривать неудобно. Беседа потому не клеилась, и по большей части отец и сын молчали. Рэймонд клал в рот кусочки тушеной крольчатины, смотрел по большей частью в свою тарелку и думал. Его комнаты, эти запутанные коридоры, запах затхлости и задернутые портьеры – все это живо воскрешало воспоминания, которых Рэймонд касался как можно реже. Дом был свой, и все же – будто одежда, из которой ты вырос. Улицы Флоренции, стены тамошнего особняка, солнечного до самого последнего закутка, казались Рэймонду лучшим костюмом, чем эти покои, знакомые лучше многих. Хорошо, что не пришлось ехать в Уилтшир, там бы вообще тоска взяла.

К тому же, в Уилтшире Рэймонду точно делать нечего.

Когда перешли в гостиную выпить кофе и коньяк (последний подали лишь отцу), беседа сделалась более оживленной. Лорд Хэмблтон спросил о жизни в Италии, а уж об этом Рэймонд мог говорить долго, не рискуя наскочить на опасные темы.

– Значит, ты жил во Флоренции?

– В последнее время – да, однако часто выезжал за ее пределы. И за пределы страны, если уж на то пошло. Итальянки хороши, но излишне ревнивы. – Отец поморщился, и Рэймонд сделал вид, что не заметил. – Так что я много путешествовал. Увеселения, женщины, дуэли... Последнее, конечно, тайно. Впрочем, многие победы на любовном фронте – тоже моя тайна. Дамы полусвета – это не особо осуждается, а вот молодые вдовы или, не дай бог, замужние...

– Рэймонд, в тебе нет ничего святого.

– Раньше не было, так откуда теперь появится?... Хороший кофе, отец. Я пристрастился к нему, когда побывал на востоке. Турки умеют варить этот напиток.

– Турки находили время, чтобы варить кофе? И надеюсь, ты не был там во время войны?

– Война кипела дальше, в Крыму, а я лишь наслаждался тем, что было мне доступно, – пожал плечами Рэймонд. Как оказалось, подпустить бывшего легкомыслия в голос не так и сложно. Возможно, эта легкая курточка из прошлой жизни еще ему послужит, особенно если придется задержаться тут надолго. – И кофе – одно из таких наслаждений. Но я удивляюсь вашему замечанию: разве не достойно, чтобы сын принял участие в войне на стороне победителей? Хотя, конечно, кто бы сразу сказал, что мы в их числе...

– Ты мой единственный сын и наследник. Я не позволил бы такого риска.

– Не позволили бы? – тонко улыбнулся Рэймонд, однако развивать тему не стал. – Как бы там ни было, я здесь, и ничего со мною не случилось. Я не отравился кофе, меня не пристукнул чей-нибудь оскорбленный супруг, и даже денег я потратил не так много, как мог бы. Вложил в несколько предприятий – ведь моя нынешняя доля состояния предполагает, что ее нужно

преумножать, не так ли? Словом, мой поверенный нашел человека, хорошо разбирающегося в таких делах, и я не только вернул то, что тратил, но и с прибылью остался. Смотрите, заделаюсь купцом, отец; будет ли это достаточным основанием для падения меня еще ниже в глазах общества? Или оно меня уже не помнит?

– Припоминает иногда, – пробормотал лорд Хэмблтон.

– Значит, мои старания были не напрасны, – ухмыльнулся Рэймонд.

Он видел, что отцу не нравится беседа, видел, как тот пристально всматривается в сына, надеясь обнаружить в его чертах и манерах нечто отдаленно напоминающее благоразумие, однако не собиравшись помогать. Если лорд Хэмблтон решил что-то, что Рэймонду может понравиться (в чем он сильно сомневался), тогда разговор будет вестись по-другому. Так и только так.

Обида, как оказалось, никуда не делась. И здесь она еще сильнее. Вот черт, а он-то заставлял себя думать о милосердии. Как же.

Потому, допив кофе, Рэймонд не стал задерживаться и громко заявил, что умаялся и отправляется спать. Кажется, отец воспринял его уход с некоторым облегчением.

Глава 2

Проснулся Рэймонд рано, еще до рассвета. Кевин, которому отвели комнатенку на третьем этаже, где жили слуги, еще не пришел, да его присутствие и не требовалось – Рэймонд прекрасно умел одеваться сам, невелика премудрость. Он же не дама, чтоб его шнуровали. Так что обычно обязанности камердинера сводились к тому, чтобы подать сюртук, когда хозяин уже почти готов к выходу. Кевин следил, чтобы одежда, оружие и прочее имущество Рэймонда находилось в идеальном состоянии, ведал отправкой и доставкой переписки (в том числе тем женам, чьи мужья отвлеклись и не заметили, как супруга кем-то увлеклась), решал те мелкие дела, до которых у Рэймонда не доходили руки, и вообще был не столько слугой, сколько соратником. Особенно в последние четыре года. Вывезенный из уилтширской глуши конопатый юнец превратился в крепкого мужчину, умеющего за себя постоять и тщательно обученного Рэймондом так, чтоб на этого человека он мог во всем и всегда положиться. Не всем в жизни так везет, а Рэймонду вот повезло. Впрочем, удача – всегда дело рук человеческих, случай лишь делает ее основательнее.

В такой ранний час у себя дома во Флоренции он мог бы делать что заблагорассудится, а тут не годилось шататься по коридорам и пугать слуг. Потому Рэймонд спустился в библиотеку. Обычно ее запирали, как и кабинет, ключи у отца, а запасные наверняка у экономки и Энтони, однако никого из них Рэймонд беспокоить не собирался. У него самого имелся ключ, хранившийся глубоко в ящике стола в комнате наследника, и никто за прошедшие годы не рискнул тронуть его имущество. Такое ощущение, что в склеп приехал, только пыли поменьше.

Первым делом Рэймонд раздвинул портьеры, и хотя света с улицы пока не хватало, обнаженное окно все-таки лучше, чем этот плотный бархат. Как же непривычно снова оказаться в мире зашторенных окон, показной благопристойности и тайн, спрятанных за всеми замками! Флорентийский дом, светлый и громадный, не прятал ничего и радушно принимал любого, кто входил. Другие места, где Рэймонду приходилось бывать, часто оказывались и более тесными, и менее освещенными, чем это, но... Все равно ему казалось, будто тут – клетка.

Рэймонд прошелся вдоль полки, иногда подолгу застывая на месте и разглядывая корешки книг. Надо же, здесь имеется пополнение! «Сибилла» Дизраэли, этого любителя объединять всё и вся, метящего в премьер-министры. Сборник стихотворений Кольриджа – не того знаменитого Сэмюэла Кольриджа, а его сына, пошедшего по стопам отца, Хартли. Кое-какие из этих вещей Рэймонд знал наизусть. Тем не менее, он снял томик с полки; тот открылся на странице с закладкой, на стихотворении «Она не прекрасна» и негромко прочитал вслух:

– Она красой не затмевает дев,
Бывают и стройнее и прекрасней,
Но улыбнулась, сердце мне согрев,
Улыбкой ослепительной и ясной.

Да уж, отец... – пробормотал Рэймонд и поставил книгу обратно.

Больше, чем стихи, его интересовали автобиографические очерки, и он нашел несколько, сложил их стопкой на столике у камина, уселся во вчерашнее свое кресло и принялся просматривать, иногда надолго задумываясь над страницами. Так его и застал Энтони.

– Доброе утро, сэр. – Если дворецкий и был удивлен ранним подъемом хозяйского сына, раньше любившего поспать после буйных вечеринок, то ничем этого не выказал. – Завтрак сервирован.

– Благодарю, Энтони. – Рэймонд отложил книгу в сторону. – Пусть это пока останется здесь. Возможно, позже я возьму какую-нибудь из них в свою комнату.

– Да, сэр.

– Как я вижу, дом содержится в порядке, – заметил Рэймонд, шагая следом за дворецким в столовую. Не то чтобы он забыл, где она, но так полагалось.

– Конечно, сэр, как же иначе. И лорд Хэмблтон велит за этим следить. Мы здесь везде поддерживаем порядок, даже в самых дальних комнатах, только топим не повсюду, особенно летом. Но летом обычно и не нужно, если не случается так, как сейчас. Удивительно плохая погода для конца июля.

– Вот с этим я согласен.

Отец утром выглядел немного лучше, чем вчера, и Рэймонд, скользнув по нему взглядом, не отметил никаких серьезных признаков нездоровья. Ну, хоть этой проблемой меньше. Скорее всего, лорд решил в очередной раз воззвать к совести наследника и попросить его возвратиться в Англию. А Рэймонд не удовлетворит эту просьбу. Все достаточно просто. Он уже прикидывал, на каком корабле отбудет обратно в Италию. Когда вернется, соберут урожай винограда, персики как раз нальются августовским соком, хлеб – теплым золотом...

Может, потому, что предчувствия эти были приятны и вполне реальны, завтрак прошел хорошо. Отец все расспрашивал об Италии, и Рэймонд говорил, намазывая на булочки масло и джем. Да, вот этого ему в дальних странах не хватало – булочек, что пекут здесь, в особняке, и малинового уилтширского джема. Чревоугодие, да и только. Рэймонд, впрочем, многие грехи на себя собрал, одним больше, одним меньше, уже неважно.

После завтрака лорд Хэмблтон предложил перейти в кабинет. Там, за плотно закрытой дверью, наконец предстояло приступить к разговору.

Отец сел за стол, на котором были разложены бумаги и счетные книги (лорд всегда отличался аккуратностью), а Рэймонд – в кресло напротив стола, предназначенное для гостей и прочих посетителей. В солнечном луче, пробивавшемся сквозь неплотно задернутые портьеры, кружились пылинки, похожие на крохотных светлячков. Рэймонд в который раз подумал: неужели отец так свыкся с полутьмой, что даже когда он один, не открывает окна? Как, должно быть, паршиво жить в вечной тени.

Рэймонд полагал, разговор снова пойдет кругами, прежде чем удастся подойти к самому главному, однако отец его удивил. Усевшись, он некоторое время молча смотрел на сына, а потом произнес ровным голосом:

– Ты ни разу не спросил, как она. Я многого ждал, мой мальчик, но не подобного равнодушия.

Несколько лет назад Рэймонд повысил бы голос уже после этой фразы. Однако – время прошло, и он ничего не ощутил, кроме огорчения. Значит, он не ошибся, все осталось прежнему. Ну что ж...

– Так и есть. Потому что я спрашиваю о том, что мне интересно. Она мне интересна не особо. Но если вам так хочется – как она?

– Твоя мать в Уилтшире, – ответил отец все тем же холодным тоном, – и она чувствует себя хорошо, благодарю за вопрос.

– Хорошо в вашем понимании или в ее?

– Полагаю, что в понимании нас обоих.

– Значит, между вами по-прежнему царит ваш странный мир?

– Я не знаю, что ты имеешь в виду под этим, но, скорее всего, мой ответ – да.

– Настоящий воин не сомневается, – процитировал Рэймонд маэстро Сантинелли и отмахнулся, поймав удивленный взгляд отца. – Неважно. Так о чем вы хотели поговорить со мною – о ней?

– Это ее касается, – кивнул лорд Хэмблтон, – однако в первую очередь это касается меня и тебя. Ты – мой наследник...

– О, вот только не стоит заводить снова беседу о правах и обязанностях! – перебил Рэймонд. Вопиющая невежливость, только он почему-то не ощущал себя провинившимся. – Если вы попросите меня возвратиться в Англию и управлять делами вместе с вами, вы знаете, что я скажу. Мой ответ остался неизменным. Пока все остается так, как есть, – а вы об этом недвусмысленно намекнули только что, – я останусь за пределами страны. Там я хотя бы могу не делать вид, будто всем доволен, и... – Он остановился, потому что отец, внезапно опустив голову, закрыл лицо рукой.

– Половину моей жизни, – сказал лорд Хэмблтон негромко, – я пытаюсь объяснить тебе твой долг, но, к сожалению, у меня не получается. Я смирился с этим и молился о том, чтобы ты однажды осознал его сам. Возможно, так когда-нибудь произойдет, только у меня нет времени ждать. Я не хочу давить на тебя, мой мальчик, и Бог видит, я дал тебе столько свободы, сколько ты потребовал...

– Не столько, отец, – негромко возразил Рэймонд. Он подобрался весь, словно пес, почувывший добычу. – Вы потребовали от меня очень многого, и я дал это вам. Я исполнил свой долг перед семьей... пока. Пока вы ее глава, и все решается так, как вы хотите. И вы очень хорошо рассказали мне, что такое честь... в нашем, семейном понимании. Но я не пойду на то, чтобы снова жить здесь и быть... сыном лорда Хэмблтона. Разве вы не управляетесь делами сам? Мне кажется, все хорошо. Мое присутствие лишь помешает.

– Я не о том хотел тебя просить.

Вот тут Рэймонд удивился.

Он полагал, будто лорд Хэмблтон заведет свою вечную песню: возвратись под отчий кров, сынок, принимай управление имуществом и землями, ведь когда-то ты станешь их хозяином... Оскомину набившие фразы, одни и те же просьбы, аккуратные, завуалированные намеки... Через все это они прошли. И сейчас это Рэймонду еще более неинтересно, чем несколько лет назад. Сейчас он знает, что такое жизнь вне этих рамок.

– О чем же? – спросил он, выдержав паузу.

Отец опустил руку и прямо взглянул на сына.

– Хотел просить тебя жениться.

– Ч... что?

Рэймонд расхохотался. Но ведь это и вправду было смешно! А вот лорд Хэмблтон его реакции не оценил.

– Я полагал, что ты не воспримешь мою просьбу всерьез, однако прежде чем смеяться, выслушай. Мое самочувствие стало далеко от идеального и даже просто хорошего.

Веселиться Рэймонду сразу же расхотелось. Проклятие!

– Вы больны?

– Сердце. – Скривившись, отец приложил руку к груди. – Покалывает все чаще, и пару раз мне становилось хуже. Это повод для беспокойства. Я не из тех восторженных людей, которые не видят опасности или не желают ее видеть, несмотря на очевидные симптомы. Врачи, к консультациям которых я обращался, не дают никаких сроков и уверяют, что я проживу еще достаточно долго, и буду чувствовать себя хорошо. Только вот я подумал, что хотел бы перед смертью, когда бы она ни пришла, посмотреть на твою жену и, может, на своих внуков. Я понимаю, что ты не намеревался жениться сейчас и, будь твоя воля, вообще. Многие молодые люди так полагают. И ты знаешь, что я не стал бы тебя заставлять, если бы не необходимость. Понимаю, что такой шаг тебя не радует, и потому не стану устраивать твой брак, невесту выберешь сам...

– погодите, отец, – Рэймонд поднялся, сделал шаг к столу и оперся кулаками о его отполированную поверхность. – Давайте-ка по порядку. Мне очень жаль, что ваше здоровье расстроилось, и вы знаете: я говорю правду. Мне жаль. Но это не означает, будто вы можете потре-

бовать от меня женитьбы. И даже если оставить в стороне это – неужели вы полагаете, будто я приведу женщину в дом, где живет *она*?

Последнее слово он выплюнул.

– Я знаю, как ты зол на нее, – сказал лорд Хэмблтон. Теперь Рэймонд видел вблизи, что отец бледен, и повторял себе: сдержись, сдержись, не стоит его слишком волновать. – Знаю, поверь. Но ты также знаешь, что на все это мы идем ради репутации, ради нашей чести...

– Да при чем тут честь! Я говорю о девушке, о живой, нормальной женщине, которую ты предлагаешь мне привести в семью. Во-первых, мне жаль ее. Во-вторых, мне не нужна жена, пока, во всяком случае. Что я стану с ней делать? Я не хочу забирать ее в Италию, там я веду другую жизнь. Я не стану оставлять ее здесь – не настолько я ненавижу людей, чтоб делать им такие подарки! Бросить ее на глазах всего света и уехать?

– Раньше ты не жалел своих несчастных возлюбленных, – едко заметил отец.

– Раньше несчастными были только те возлюбленные, которые выбирали быть таковыми. Кудрявые дамочки со сквозняком под шляпкой. Они считали, что имеют право по мне вздыхать, коль скоро я протанцевал с ними тур вальса. А здесь иное дело. Супружество – опасная стезя, и у меня нет никакого желания по ней прогуляться. Что вам в голову взбрело, отец? Неужели ваше нездоровье натолкнуло вас на мысль, будто я не намерен жениться никогда и оставлю Хэмблтон без наследников? Это произойдет... когда-нибудь.

– Сядь, – велел лорд Хэмблтон.

Рэймонд остался стоять.

– Ты не подчиняешься мне, хорошо; я лишь прошу тебя подумать. Да, я беспокоюсь за тебя. Все твои обещания могут оказаться пустым звуком, и однажды ты рискуешь сгинуть в одной из бесконечных интрижек, которые затеваешь, не считаясь ни с кем. А мы, я и твоя мать, которую ты не желаешь называть матерью и даже по имени не зовешь, – так вот, я и Мэри останемся одиноки. Ты – единственное наше продолжение, единственная надежда и чаяние. Ты – наше дитя, как бы ты ни хотел откреститься от этого. Говоришь, что понимаешь долг; что ж, пойми его еще глубже. Я нездоров, твоя мать... ей необходима забота. И если меня не станет, проявить ее смогут лишь те, кто останется.

– То есть я прав. Вы хотите, если с вами что-то случится, чтоб я и моя воображаемая супруга присмотрели за ней. – Рэймонд почувствовал знакомую волну злости, поднимавшуюся в нем, словно тошнота. – Тогда как я не раз сказал вам, что не желаю иметь с нею ничего общего.

– Это неважно.

– Конечно, – горько согласился он.

– Нам важно твое счастье, – продолжал настаивать отец, – и я хочу, чтобы мы все были спокойны. Хорошо, если ты не стремишься жениться прямо сейчас, мы можем заключить помолвку. Тебе двадцать пять, Рэймонд, вскоре исполнится двадцать шесть, и тебе пора об этом задуматься. Для своего возраста ты излишне легкомыслен, все эти европейские кутежи хороши в меру. Мы можем договориться с какой-нибудь достойной семьей, где имеется юная девица, и даже если эта семья недостаточно состоятельна, неважно. Выбирай любую девушку, я беру на себя труд уговорить ее родителей.

– А, значит, меня все-таки помнят в Лондоне. Трепетные отцы и мамы не пожелают отдавать невинных дочерей за страшного повесу?

– Если ты не сделаешь новых глупостей, то, может, и не откажутся. Заметь, это не идея, которую я тебе подаю. Это предупреждение.

– Я понял. Отец, вы режете меня без ножа. – Рэймонд глубоко вдохнул и выдохнул; кажется, с гневом удалось справиться. Что там ни говори, а не мог он срывать злость на отца, который только что сообщил о сердечной болезни. – Если даже я решусь на такое – я не обещаю, что решусь, – то все пройдет на моих условиях, а не на ваших.

В конце концов, ему есть куда податься, оставив молодую жену совершенно законно, только вот лорду Хэмблтону об этом неизвестно. Поселить ее в отдельном доме, не здесь, новый прикупить, и строго-настрога запретить приближаться к этому особняку и уилтширскому, и никого оттуда не принимать. Он все ей объяснит... если решится. При мысли о том, что какую-то девушку придется обречь на жизнь с ним, Рэймондом, у него зубы сводило.

Никто такого не заслуживает.

– Я ничего больше не прошу, – сказал отец, – только подумай об этом.

Рэймонд покачал головой и направился к выходу.

Глава 3

Небольшой особняк желтого цвета находился далеко не в центре Лондона и за прошедшие годы успел обрасти соседними домами, однако Рэймонд без труда его отыскал. Он спешился, бросил поводья лошади Кевину и объяснил:

– Конюшня с той стороны, можешь отвести коней туда. А потом пообедай, скажи на кухне, что приехал со мной. Я наверняка задержусь.

– Да, сэр.

Дверь открыли сразу же и без всяких ойканий.

– Добро пожаловать, сэр. – Тут дворецкий был старый, седой, как лунь, с круглыми, как будто вечно удивленными глазами. – Мы вас ждали.

– Я ведь не говорил, что приеду, – хмыкнул Рэймонд, отдавая ему шляпу, плащ и перчатки.

– Мы все равно каждый день готовы принять вас, сэр.

– Прекрасно. Вроде бы лесть, Броуди, а вроде бы и нет.

– Только гостеприимство, сэр.

– Ну, думаю, и правда оно. Где Лоуренс?

– Он пьет чай в малой столовой. Мне проводить вас?

– Смеешься, Броуди?

– Немного, сэр.

– Это хорошо, – одобрил Рэймонд и отправился в малую гостиную: этот дом он знал не хуже, чем свой собственный.

Окна широкой просторной комнаты выходили в небольшой сад, и здесь не наблюдалось никаких тяжелых портьер, только легкие муслиновые занавески, всегда собранные и опускавшиеся очень редко. Хозяин дома сидел в кресле у распахнутых дверей в сад, на маленьком столике рядом стоял поднос со всем необходимым для чаепития, и это фарфоровое великолепие переливалось в лучах заглянувшего сюда солнца. Когда же хозяин поднял голову и увидел вошедшего, резко поставленная чашка жалобно стукнула о блюдце, метнув отчаянный блик.

– Рэйн! Господь всемогущий, неужели это ты?!

– Не Господь, всего лишь я, – засмеялся Рэймонд и в следующее мгновение оказался в крепких объятиях друга.

– Да ты на себя не похож! – заметил Лоуренс, отступая. – Загорелый, как турок! Ты писал, что ездил к ним кофе пить; там и приобрел этот скандальный загар? Дамы будут шокированы.

– Не больше, чем обычно. Частью в Турции, частью во Флоренции, солнце нынче везде жарит. Кроме, как я посмотрю, старушки Англии.

– Твой отец говорил, что ты, возможно, приедешь. Ну, садись, садись. Броуди тебя видел? – Рэймонд кивнул. – Тогда звонить не имеет смысла, сейчас все принесут... А, вот и вы, Броуди! Благодарю.

Пока дворецкий, удостоивший долгожданного гостя такой чести, что лично подал вторую чашку и свежий чайник, расставлял посуду на столике, друзья с улыбкой смотрели друг на друга. Рэймонд не мог судить, насколько в глазах Лоуренса изменился он сам, но полагал, что достаточно, дабы получить сейчас ворох вопросов. А вот Лоуренс очень походил на себя прежнего, стал лишь немного массивнее, хотя и теперь крепким телосложением не отличался.

Если бы людей можно было сравнивать с собаками (хотя, почему бы и нет? Вроде не существует никакого специального закона, это запрещающего), Лоуренс получился бы биглем, жизнерадостным и верным. Рэймонд знал его давным-давно, и вместе они через многое прошли, включая сомнительные похождения, о которых судачил весь Лондон. Но еще до того, как они вместе кружили головы неопытным дебютанткам и опытным вдовушкам, друзья вместе

выросли, хотя познакомились не в самом юном возрасте. Впервые Рэймонд увидел Лоуренса, когда обоим исполнилось одиннадцать, дни рождения их разнились лишь на месяц. Тогда-то сосед Хэмблтонов в Уилтшире, барон Невилл, пригрозил у себя осиротевшего племянника. Холостой барон не жаждал связывать себя узами брака, а титул когда-нибудь следовало кому-то передать. Рэймонд полагал, что, будь Лоуренс старше, или хуже того – совершеннолетним, не видать бы ему баронства как своих ушей. Очень уж злился старик Невилл на своего непутового младшего брата, женившегося на девушке не дворянского происхождения. Будь Невиллы менее знатны, тогда, может, старик бы и смягчился, но брат барона и торговка – это немного слишком. Тем не менее, когда оба родителя Лоуренса умерли во время эпидемии простуды, и мальчик остался один, дядюшка родственным долгом не побрезговал. Полюбовавшись на доставшегося ему тощего воробья, барон Невилл заявил, что сделает человека из этого бродяжки, и в своих начинаниях преуспел. Он придел мальчишку (родители Лоуренса не бедствовали, однако до баронских доходов им было далеко), представил всем как своего официального наследника и, когда племяннику исполнилось тринадцать, вместе с Рэймондом отдал в Итонский колледж.

Мальчишки сдружились и раньше, но в Итоне эта дружба переросла в настоящее товарищество. Более тихий и спокойный Лоуренс повсюду следовал за Рэймондом, соглашаясь участвовать во всех начинаниях, как бы рискованны они ни были. Славившийся железной дисциплиной Итон пытался обломать эти молодые побеги, однако изобретательная юность побежала. И колледж оба закончили, не будучи исключены, несмотря на многочисленные выговоры и наказания. Что ж, теперь об этом весело вспоминать.

У Лоуренса было длинное симпатичное лицо, русые волосы, завивавшиеся на концах, и веселые серые глаза. С годами он делался все более похож на своего дядюшку, барона Невилла, которого, к сожалению, уже почти полгода как не было в живых. Насколько знал Рэймонд, друг должен вступить в права наследника через год после смерти барона, когда закончится траур, а значит, следующей весной. А пока он все еще в непонятном положении, будто стоит на шатающейся лестнице.

– Итак, – сказал Лоуренс, когда Броуди вышел, – ты вернулся. Надолго?

– Пока не знаю. – Рэймонд взял с подноса чашку: чай тут подавали превосходный. – Зависит от того, что я решу. Отец вызвал меня, но пока беседа у нас не сложилась.

– Ты остановился дома?

– Да.

– Ты же знаешь, в случае чего двери моего особняка всегда для тебя открыты... ну, не совсем моего, – усмехнулся Лоуренс, – но ничто не помешает ему все-таки сделаться моим в апреле. К тому же, все дядюшкины условия я выполняю, как примерный племянник. Я тебе писал. Ты получил это мое послание? – Он заметно волновался, когда спрашивал, и Рэймонд и без того знал, о чем друг говорит.

– Ты помолвлен. Верно. Как тебя угораздило?

Разговор пошел легко, как будто друзья расстались только на день, а не на несколько лет. Рэймонд улыбнулся. После душного отцовского особняка, после злого, напряженного разговора беседа с Лоуренсом – это будто очищающая молитва для грешника. Здесь не надо притворяться другим. Хотя, конечно, и Лоуренс не знает всего...

– Сначала я просто искал невесту, как дядя и велел, – вздохнул друг. – Ты же понимаешь, условия завещания... А затем я понял, что одна девушка давно затронула мое сердце. Вот и присмотрелся к ней повнимательнее. Оказалось, что и она ко мне неравнодушна. И так, слово за слово...

– Поцелуй за поцелуй... – живо дополнил Рэймонд.

– Что ты! Нет. Это другой случай. Признаюсь, я поцеловал ее один раз, но то было лишь легкое прикосновение губ, ничего больше.

– Удивляюсь тебе, Лоуренс. Так кто она? В письме ты не упоминал ее имени и был потрясюще загадочен. Одно это являлось причиной для того, чтобы я наконец приехал в Лондон. Теперь ты откроешь ее имя?

– Лучше! – заявил Лоуренс. – Я сегодня познакомлю тебя с нею. В шесть начинается музыкальный вечер у Гилморов; я редко езжу на большие приемы, все-таки траур пока не завершился, а тебя там охотно примут вместе со мной. Она будет там. Я хочу, чтобы для тебя это было сюрпризом.

– Сюрпризом? Так я ее знаю?

– Возможно, возможно. Однако не пытайся гадать – все равно не угадаешь, к тому же, так веселее. Ну что, поедешь к Гилморам со мной?

– Поеду, – вздохнул Рэймонд. – Я надеялся, что ты приглашен куда-нибудь сегодня. Мне хочется развеяться и взглянуть, во что превратилась столица за время моего отсутствия. Полагаю, окончательно заплесневела, а?

– Тебя тут не хватало. – Лоуренс взглянул на него серьезно. – Но если без шуток, Рэйн, – ты будешь моим шафером? Все ждал, пока ты приедешь, чтобы спросить, а если бы не явился, лично отправился бы за тобой во Флоренцию. Я не могу представить таковым никого, кроме тебя.

– Конечно. Разве может быть другой ответ? – Рэймонд был тронут, действительно тронут. Что б там ни говорили некоторые, а сердце у него есть, и таких друзей, как Лоуренс, нигде не сыщешь. Только с ним Рэймонд вел постоянную переписку все эти годы, только Лоуренс знал о нем некоторые вещи, что не упоминаются вслух никогда, даже в собственной семье, где происходят. Впрочем, даже Лоуренсу Рэймонд сейчас не доверял до конца, однако это вопрос времени: некоторые вещи следует рассказывать лично, никак не в письмах. Он выберет вечер для долгого разговора, и тайн не будет. А пока... – Ты мой лучший друг, я не оставлю тебя одного дрожать перед алтарем в опасениях, явится невеста или нет. Кто бы она ни была. Но я уверен, что ты выбрал достойную девушку.

– Она... да. Ты сам все поймешь, когда увидишь ее. – Лоуренс мечтательно вздохнул. Ох, опасный признак; похоже, дело серьезное. Рэймонд был рад за друга. – Пока же оставим завесу тайны висеть там, где висит. Лучше расскажи мне, как ты добрался, и почему приехал столь внезапно?

– Я получил письмо от отца, – скривился Рэймонд и, подумав немного, вкратце пересказал другу сегодняшней разговор. Вот это точно скрывать не стоит, и, возможно, удастся вместе придумать какой-нибудь выход.

Лоуренс слушал, не перебивая и досадливо морщась.

– Значит, твой отец настаивает на женитьбе. Мне кажется, у стариков что-то такое щелкает в голове, когда они достигают определенного возраста. Надеюсь лишь, нас с тобой эта чаша минует, когда состаримся. То же и с моим дядей: сам не удосужился привести в дом жену, а от меня перед смертью потребовал, что я привезу в Невилл-хаус невесту не позже следующего декабря. И в завещании это прописал.

– Смотри на вещи шире. Если бы твой дядя в свое время женился, может, и не был бы добр к тебе.

– Тоже верно, – согласился Лоуренс. – Никогда не знаешь, где наткнешься на доброту... Но я-то лишь рад, что так сложилось! Если бы я по-прежнему продолжал смотреть мимо потенциальных невест, то, может, и свою бы не увидел... А вот с тобой дело другое. Или нет? – он пристально всматривался в лицо Рэймонда, пытаясь разгадать его черты, словно ребус. – Ты действительно другой. Немного иначе двигаешься, и выглядишь иначе. Откуда этот шрам над бровью?

– Недоразумение.

– Ты каждый день дрался, что ли?

– О, далеко не каждый. Но скажем так, нередко.

– Ты сделался еще большим забиякой. И что сам думаешь о предложении своего отца? Есть у тебя кто-либо на примете?

– Для начала, – поднял руку Рэймонд, – я не уверен, что мне действительно следует искать. Ты же знаешь все... обстоятельства. – Лоуренс понимающе кивнул. – Я бессердечный, но не жестокий, а поступить так с девушкой – самая настоящая жестокость. Особенно если она не будет знать заранее, на что идет. А если узнает и согласится, я заподозрю ее в коварных помыслах.

– Ну, почему бы и не отомстить кому-то? – хмыкнул Лоуренс. – Вдруг ты ненавидишь какую-нибудь даму так сильно, что готов устроить ей месть длиною в жизнь?

– Неудачная шутка, друг мой.

– Прости. Да, она действительно с нехорошим душком. Я ничего такого не имел в виду.

– Я знаю.

Они помолчали; Рэймонд взял с подноса пирожное, осмотрел и надкусил. Надо же, повар Лоуренса за прошедшие годы достиг невиданных высот, раньше пирожные можно было есть только с риском для жизни. Или это новый?..

– Мне стоит поразмыслить об этом, – сказал Рэймонд, дожевывая, – хотя пока затея представляется ужасной. Несколько лет прошло, Лоуренс, с тех пор, как я считал Лондон принадлежащим мне; теперь все иначе. Это место – я не имею в виду твой дом, конечно же, – кажется чужим. Прием у Гилморов... Надо же, я снова увижу чопорную английскую аристократию в действии.

– Разве в Италии мало англичан?

– Да кто же хочет там с ними встречаться? Я итальянское общество уважил, а еще французское, немецкое и даже слегка турецкое; вот это было весело, на соотечественников я успел насмотреться, и шуток они решительно не понимают. Они многого не понимают, право слово.

Лоуренс молчал. Он явно хотел что-то спросить, однако, по всей видимости, вопрос был не настолько легок, чтобы задавать его сейчас, ярким днем, через несколько минут после новой встречи с другом, которого долго не видел. Есть такие вещи, о которых годится вопрошать лишь вечерами, когда беседа длится уже не менее часа и располагает к откровенности. Рэймонд не стал идти навстречу: ему самому не хотелось говорить пока ни о чем серьезном. Разве что беседу с отцом другу пересказал, а так...

– Тем не менее, – произнес Рэймонд, – я был бы рад услышать новости о некоторых наших знакомых, прежде чем вновь появляться в их обществе. Полагаю, что мой итальянский сюртук и галстук так впечатлят их – они потеряют дар речи, и я никаких сплетен не узнаю. Вся надежда на тебя, друг мой. Как поживает графиня Бёрк?..

– Не могу поверить, – пробормотал Рэймонд, – что мы отправляемся на вечер *вовремя!*

– Уже по одному этому ты можешь судить, что я встал на стезю добродетели, – заметил Лоуренс. – Предпочитаю не опаздывать, чтобы не заставлять мою невесту ждать.

– И одеваешься чуть иначе. Забавно.

В одежде друга появилась ранее не замеченная Рэймондом респектабельность: костюм строже, украшений на нем меньше, и булавка, удерживающая галстук, тоже не рассыпает вокруг бриллиантовые искры – так, поблескивает. Лоуренс стал выглядеть... беднее. Любопытно для баронского наследника.

– Надеюсь, твоя невеста ценит твои жертвы.

– Разумеется. Она девушка, которая отличается пониманием.

– Все любопытнее и любопытнее. Ладно, друг мой, осталось недолго, не открывай интригу раньше времени.

Рэймонду и вправду было интересно, кого же выбрал для себя Лоуренс; он мог бы засыпать друга вопросами, уточняя: хороша ли невеста собой, умна ли, блондинка или брюнетка – но придержал язык, дабы не заставить будущего барона Невилла проговориться раньше времени. Если Лоуренс не сказал сразу, не стоит портить ему удовольствие. К тому же, так действительно смешнее.

В карете они беседовали мало. Рэймонд смотрел на лондонские улицы и думал – сможет ли заново привыкнуть к этому городу, и что решит в конце концов, и как поступит с отцовской просьбой? Все-таки это не давало ему покоя. Каждый раз, когда он задумывался об этом, становилось гадко, словно заставили набрать полные руки слизняков. Рэймонд не хотел жениться, а больше всего он хотел, чтобы его семья оставила его в покое. Неужели так сложно не вспоминать о нем? Он ведь ясно высказался, когда уезжал, и теперь у него имеется достаточно причин, чтобы уехать снова. Благородных причин, почти никому здесь не известных.

Сегодня вечером нужно будет взять бумагу и перо и попробовать поразмыслить о происходящем, используя привычный способ. Должно помочь.

Когда остановились у особняка Гилморов, солнечный день перетек в душный вечер. Где-то собиралась гроза, но Рэймонд не был уверен, что она подойдет к городу близко. Он выбрался из кареты и огляделся, втянул носом воздух, словно зверь, пытающийся определить, не затаились ли охотники в зарослях. Ах, это знакомое легкое волнение, предчувствие развлечений! Все-таки на английской земле оно ощущается иначе. У итальянцев гораздо больше позволено, потому и веселее, и одновременно, как ни странно, скучнее немного; тут приходится переступать через правила, неодобрительные взгляды, смотреть на поджатые губы и постные лица.

– А мне этого не хватало, – пробормотал Рэймонд.

– Понял это сейчас? – уточнил Лоуренс. Друг заметно волновался, поправлял манжеты и галстук. – Ну, тебе предоставляется шанс догнать упущенное – к Гилморам тебя никто не звал, удиви же всех, явившись без приглашения.

– Ты меня пригласил, так что все прилично.

– А Гилморы – нет. Ты ведь знаешь, как трепетно они относятся к своим музыкальным вечерам. Тут ничего не поменялось, дружище.

– Я на все готов, если их дочка не станет петь.

– Сабина Гилмор вышла замуж еще в пятьдесят первом, когда ты уехал. С тех пор дважды стала матерью и больше никого не удивляет своими руладами и отвратительной игрой на рояле. Ну же, идем. Мне не терпится вас представить друг другу.

– Так что, я все-таки ее не знаю?

– Если и знал, все меняются, друг мой. И ты, и она.

Гилморы жили довольно скромно и большие балы устраивали от силы два раза в год, ограничиваясь в остальное время небольшими приемами для избранного общества. Так как происходили они из Уилтшира, как и Хэмблтоны, и Невиллы, и граф Трубридж, и много кто еще, в основном это бывали сборища для соседей, как в свое время окрестил их Рэймонд. Именно из-за соседства он и Лоуренс оказались сюда вхожи: неловко отказывать им, пусть даже у них была тогда трижды сомнительная репутация. Кроме уилтширцев, захаживали сюда и родители с юными дебютантками, и джентльмены различных степеней респектабельности, и просто любители музыки – не все так ужасно поют и играют, как Сабина Гилмор, да отсыплет ей Господь семейного счастья.

По лестнице, изгибавшейся, словно спинка разнеженной кошки, поднялись на второй этаж. Из салона уже долетали первые треньканья рояля, но еще несерьезные, кто-то разминал пальцы, исполняя простенькую гамму. Лоуренс заглянул в салон и потащил Рэймонда дальше, в гостиную, где подавали питье и закуски – Гилморы были людьми благоразумными и знали, что искусство лучше воспринимать на сытый желудок. Рэймонд шел за Лоуренсом и улыбался.

Когда они вошли в гостиную, многие взгляды обратились к ним, и шепоток побежал, словно рябь на воде. Да уж, ради этого неожиданного появления стоило сюда заявиться: Рэймонд испытывал истинное удовольствие, глядя на лица хозяев дома. Лорд Гилмор и его супруга подошли поздороваться, выразили свое удивление по поводу нежданного приезда сэра Хэмблтона, и оставались вежливы, видимо, от растерянности. Рэймонд пожалел их и отвечал учтиво, без своих обычных шуточек, но Гилморы все равно смотрели с подозрением: не иначе, полагали, он приберегает какую-то пакость напоследок. Они просто напрашиваются, с легкой досадой подумал Рэймонд. Он уже размышлял, чем бы их таким поразить, какое замечание об итальянской жизни отпустить, дабы оно прозвучало недостаточно скабрёзно для искреннего возмущения и достаточно гадко, чтоб все всё поняли, однако Лоуренс, пресекая развлечение, потянул друга за рукав.

– Идем, Рэйн. Я хочу тебя представить.

– О, конечно. Мы непременно побеседуем позже, лорд, леди Гилмор.

Лоуренс повел его в группе женщин, стоявших у дальней стены. Две старшие дамы, две молодые: сразу видно, курочки вывели цыпляток погулять. Только вот Рэймонд знал этих курочек, и чем ближе они оказывались, тем сильнее становились в его душе нехорошие подозрения. А Лоуренс – тот просто сиял. Остановившись, он глубоко поклонился дамам и звонким от волнения голосом произнес:

– Рэймонд, друг мой. Позволь представить тебе мою невесту – мисс Дверрихаус. Впрочем, вы знакомы, не так ли?

Рэймонд молчал. Он и в самом своем злом и ироническом настроении не мог помыслить, что это окажется она. И что эта девушка, стоящая перед ним, – именно она, Эвелин Дверрихаус.

Глава 4

– Я рад... новому знакомству, мисс, – проговорил Рэймонд, пока Эвелин пыталась справиться с ошеломлением и свыкнуться с мыслью, что это действительно он.

Рэймонд изменился – она увидела это с убийственной ясностью, так как помнила его очень хорошо. Он, кажется, стал еще немного выше, но при том шире в плечах, хотя и оставался довольно худым: такие люди и к старости не полнеют. Раньше он брился чисто, а теперь отрастил усы и короткую бородку, что придавало ему сходство с романтическим пиратом. Рэймонд унаследовал не мягкие черты своего отца, а решительные скулы матери, наполовину валлийки; от нее же достался ему прямой нос с тонкими ноздрями, плавный изгиб губ и четкие, заломленные брови. Синие глаза смотрелись еще ярче на загорелом лице. Злодейская получилась бы внешность, если бы не одно «но»: проглядывала в его чертах тщательно скрытая мягкость, которую никто бы не спутал с нерешительностью. Когда-то давно, очень давно, Эвелин заблуждалась, полагая, будто это романтичность или же доброта; теперь она была твердо уверена, что это воздействие распушенности.

– Я тоже рада встрече, – произнесла Эвелин подходящие слова, однако, при всем желании, не могла сказать что-то еще. Слишком неожиданным получилось его появление.

Рэймонд, казалось, наслаждается происходящим. Он поцеловал протянутую ему руку, а затем поклонился и остальным женщинам в их маленьком кружке – маме, тете Абигейл и Барбаре.

– Я вижу, что в уилтширском цветнике по-прежнему расцветают лучшие розы в Англии.

– Я ведь говорил, что ты ее знаешь, Рэйн, – с удовольствием произнес Лоуренс.

– Да, – ровным тоном отвечал Рэймонд, – ты сумел меня удивить, дружище.

Эвелин знала теперь, откуда взялось это прозвище, – Лоуренс как-то рассказал. Рэйном сэра Хэмблтона прозвали в Итоне, так как иногда его проделок было столько, что казалось – разверзлись хляби небесные. И звать его позволялось так только лишь друзьям, в круг которых Эвелин не входила. Рэймонд – не друг ей, отнюдь нет. Он враг. И судя по его виду, оба они об этом не забыли.

О чем, Господь всемогущий, думал Лоуренс, приведя его сюда так внезапно?! Он ведь все знает, и в детстве и юности был на стороне своего друга, хотя с Лоуренсом Эвелин не ссорилась почти никогда. Потому, может, и смогла взглянуть на него по-новому... Неужели он счел взаимную неприязнь между нею и Рэймондом простыми детскими играми? Если так, то он ошибался. Это гораздо глубже.

Мама оправилась от потрясения гораздо быстрее Эвелин – а может, она и не настолько сильно удивилась. Добросердечность леди Дверрихаус была всем известна.

– Сэр Хэмблтон! Лоуренс не говорил нам, что вы собираетесь возвратиться, да и ваш отец хранил эту тайну крепко. – Селия улыбалась, отчего ее похужее на сердечко личико делалось светлым, будто солнышко.

– Они с большим удовольствием предупредили бы вас, если б я сам знал, что приеду. Но я по-прежнему живу так, как в голову взбредет. Вот я сию во Флоренции и рассуждаю с моим учителем фехтования об итальянских нравах, а вот я у дверей Лоуренса, и он не смог отказать мне в маленькой просьбе познакомить меня со своей невестой немедленно. Он ведь был загадочен в своих посланиях, а заинтриговать меня – пара пустяков.

– Только не говорите, что вы приехали из Италии лишь для того, дабы познакомиться с невестой Лоуренса, – едва сдерживая насмешку, сказала Эвелин. Рэймонд посмотрел на нее своими холодными глазами. Словно льдинку сунули за корсет.

– А если бы я сказал, что это так, то что бы вы подумали? Не поверили бы, мисс Дверрихаус? И зря, совершенно зря. Я люблю своего друга и, кстати, только что согласился стать его шафером на свадьбе – не зная даже, кто невеста!

– Теперь передумаете? – все-таки не удержалась Эвелин. Мама предупреждающе дернула ее за рукав.

– Теперь точно нет, – он улыбнулся.

Эвелин сглотнула. Она полагала, что этот вечер выдаться хорошим, и заранее предвкушала, как проведет его с Лоуренсом, однако теперь все безнадежно испорчено. Лоуренс, конечно, не виноват, для него сэр Хэмблтон – лучший друг, и жених не видит в нем ничего плохого. Эвелин удавалось избегать пространных разговоров о Рэймонде, пока тот находился за пределами Англии, но теперь... Придется выносить не только беседы о нем, но и его присутствие.

«Теперь точно нет», – для всех остальных обычная любезность, комплимент, и только двое здесь знают истинное значение этой фразы – Эвелин и Рэймонд. Она осмелилась ему перечить, и он превратит ее жизнь в ад, как уже бывало раньше. Он всегда обыгрывал ее в слова, в этом ему равных нет. Ах, если бы такой изысканный дар служил добру! Пустые мечты.

Эвелин полагала, что Рэймонд закрепит свою маленькую победу и продолжит говорить с нею, однако он обратился к Селии:

– Леди Дверрихаус, позвольте лично принести соболезнования вам и вашей семье. И вам, конечно же, леди Толберт. – Тетя Абигейл кивнула. – Мне жаль, что лорд Дверрихаус покинул нас. Он был достойным человеком, и я навсегда запомню его одним из благороднейших джентльменов.

Эвелин сглотнула. Отец умер полтора года назад, однако тоска по нему и чувство обиды на судьбу до сих пор не выветрились. Что уж говорить о маме! Та погрустнела после слов Рэймонда, однако на публике она уже умела отвечать так, чтобы не расплакаться, и сейчас не показала, насколько глубоко ранят ее воспоминания.

– Благодарю вас, сэр. Это очень любезно с вашей стороны – вспоминать моего супруга с подобной добротой. Я надеюсь, не следует напоминать, что вы – всегда желанный гость в нашем доме – и здесь, и в Уилтшире.

– Полагаю, леди Дверрихаус, мне надлежит воспользоваться вашим приглашением, – улыбнулся Рэймонд, – более того – придется им воспользоваться! Лоуренс мне как брат, и теперь, когда он станет вашим родственником, мы с вами словно бы и породнимся. И позвольте всех вас поздравить с этим. Что за чудесное событие!

При всем желании Эвелин не могла обнаружить в его словах издевки, но ее не оставляло ощущение, что Рэймонд насмехается над всеми у себя в душе. Боже, как Лоуренс может выносить этого человека? Хэмблтон насквозь лжив.

– Мне кажется, пор идти в музыкальный салон, – отметила тетушка Абигейл. – Сэр Хэмблтон, коль скоро вы объявились так внезапно и снова сделались частью нашего скромного общества, не сообразовали ли сопроводить мою дочь Барбару?

Низенькая, пухлая Барбара еле заметно вздохнула. В отличие от многих девушек, ей Рэймонд не нравился, но не потому, что она опасалась его репутации – в конце концов, Барбара была слишком юна, когда лорд Хэмблтон уехал из Англии, и редко с ним виделась. Просто кухня Толберт никого особо не привечала. Что ж, они с Рэймондом составят прекрасную пару.

– Охотно, леди Толберт, это честь для меня, – и он подал Барбаре руку.

Пока шли в музыкальный салон – впереди Рэймонд с Барбарой, за ними мисс Дверрихаус с Лоуренсом, а замыкали это чинное шествие две старшие дамы, – Эвелин рассматривала спину Хэмблтона и сделала вывод, что та стала прямее. То ли занятия фехтованием на пользу пошли, то ли это возраст, делающий из юноши мужчину. Раньше Рэймонд двигался расслабленно,

словно в любой момент готов был закрыть глаза и вытянуться на кушетке, а теперь похож на зверя, плавно перетекающего из одной позы в другую. И это делало его еще более опасным.

Что он там делал, в своих странствиях? Лоуренс рассказывал немного, только то, что сам хотел, так как Эвелин редко спрашивала. Когда Рэймонд покинул Уилтшир, а затем и вовсе за пределы страны уехал, она испытала большое облегчение. Не то чтобы они были официальными врагами, вовсе нет. Та война, что шла между ними, осталась незамеченной почти для всех; даже матери Эвелин ничего не рассказывала, а ведь с матерью они всегда были лучшими подругами. Но после встреч с Рэймондом, после бесед с ним Эвелин испытывала такое огорчение и такой стыд, что предпочитала забиться к себе в комнату и там выплакать обиду, а затем улыбаться как ни в чем не бывало. Она решила: если хоть раз даст кому-то из взрослых понять, что он ее обидел, то проиграет. Не то чтобы у Эвелин имелась особая надежда на победу.

Рэймонд был старше нее на четыре года. Владения Хэмблтонов и Дверрихаусов граничили, обе семьи знали друг друга много лет, а потому не было ничего удивительного в том, что дети тоже были знакомы. Мать Эвелин и отец Рэймонда полагали: юным существам не повредит общество друг друга, и пока взрослые обсуждали свои темы во время многочисленных летних пикников или же подобных этому музыкальных вечеров в одном из поместий, дети общались. Если это можно так назвать.

Вначале все было неплохо, Эвелин смутно помнила это. Ей исполнилось пять, а Рэймонду девять; вот Дверрихаусы впервые прибыли в гости к Хэмблтонам, и она идет за мамой, раскрыв рот, глядя на мраморные полы и цветочные букеты, аккуратно расставленные на столах. Затем – просторная детская, владения синеглазого мальчика со встрепанной темной шевелюрой, и слова мамы:

– Ну же, Эвелин, не робей, познакомься с Рэймондом.

Синеглазый мальчик говорит:

– Здравствуйте, мисс, – и кланяется ей, как большой. Эвелин, сияя, делает реверанс.

Потом они сидят вместе, рассматривают большую книгу с картинками, и Рэймонд, улыбаясь, показывает девочке:

– Вот видишь, это слон, он живет в Индии. Ты знаешь, что Индия – наша колония? Папа так говорит.

Эвелин смотрит на слона и не верит, что такое животное вообще существует. В комнате полутемно из-за задвинутых портьер, однако, когда няня уходит ненадолго, оставляя детей одних, Рэймонд быстро бежит и открывает занавески. Его волосы из черных становятся золотыми в солнечном свете, падающем из окна, окутывающем худую фигурку, как плащ.

И сначала все подобным образом и шло. А затем что-то случилось – Эвелин так и не поняла, что именно. Она даже не помнила, как в первый раз Рэймонд ее обидел, и она, семилетняя, но довольно бойкая, тоже ответила ему обидными словами. Тогда они, кажется, просидели весь день в разных углах комнаты. Когда же находились на глазах у родителей, приходилось вести себя прилично, и это заставило обоих перейти к тактике тайной войны. Лоуренс, которого строгий дядя не всегда отпускал играть со сверстниками и поощрял знакомство скорее с юным наследником Хэмблтонов, чем с дочерью соседей, редко принимал участие в таких встречах, а если принимал, всегда выступал на стороне Рэймонда, хотя сам Эвелин и не дразнил. Рэймонд же, чьи способности к остроловию зародились явно очень рано, практиковался на девочке и преуспевал: Эвелин терялась в какой-то момент, не знала, что ему ответить, не могла его переиграть. Он был старше, умнее, и он был мальчишкой, а она – всего лишь девочкой, единственное предназначение которой – удачно выйти замуж и вести дом. К счастью, с отъездом мальчиков в Итон встречи сделались реже, однако и тех, что случались во время приездов на каникулы, Эвелин хватало. Она училась дома, и никуда не могла скрыться от визитов соседей. Рэймонд при встречах еле заметно кривился, Эвелин отвечала ему взаимностью, однако по-прежнему победителем выходил он. Ему как-то удавалось находить самые обидные

на свете слова, высмеять то, в чем Эвелин сама сомневалась – ее внешность, ее умения, ее желания. Откуда он все это знал? Какой дьявольской догадливостью нужно обладать, чтобы ударить по самому больному месту? И знал ли Рэймонд, что бьет именно туда? О, Эвелин полагала, прекрасно знал.

А потом Рэймонд с Лоуренсом закончили Итон и перебрались в Лондон; обоим было по девятнадцать лет, Эвелин исполнилось пятнадцать, и она все еще оставалась в Уилтшире. Это было облегчение. С Рэймондом виделись все реже и реже, да и прежние споры сошли на нет. Эвелин наблюдала за ним, как за ядовитой змеей, однако теперь он бросался редко и еще реже кусал. Ходили слухи, что в столице он ведет распутный образ жизни, вовлекая туда и Лоуренса, который, впрочем, свою репутацию старался беречь: строг был дядюшка Невилл. Рэймонду же словно все было нипочем, он не задумывался, какой позор навлекает на своих родителей. Мать с отцом редко говорили об этом, но кое-что из их разговоров Эвелин смогла понять. Да у нее самой имелись глаза и уши, и она могла делать выводы.

Потом прошел слух, будто Рэймонд уезжает. Он действительно уехал весной пятьдесят первого года, чтобы совершить ознакомительное путешествие по Европе и Азии, да так ни разу и не возвратился домой. Даже не приехал родителей проведать, видимо, погряз в увеселениях. Впрочем, через некоторое время Эвелин забыла о нем: началась война, Англия вступила в нее вместе с Францией и Турцией против России, и девушка проводила дни, читая газеты и сожалея, что никак не может помочь солдатам, осаждавшим Севастополь. Да и защитников Крыма Эвелин было, пожалуй, жаль. Печатавшиеся в газетах статьи о том, как проходит жизнь английской армии, трогали ее до глубины души. Тогда она узнала имена многих журналистов, отважных людей, писавших эти заметки под свист пуль, – первых военных корреспондентов, которые отправляли свои тексты и снимки в тихую Англию. Британские военные проложили по дну Черного моря телеграфную линию, и по ней шли в Лондон сообщения с восточного берега Крыма. Особенно любила Эвелин статьи, печатавшиеся в «Таймс», и всех журналистов знала, как будто лично с ними встречалась. Роджер Фентон, чьи снимки и рисунки появлялись на страницах газеты регулярно и открывали настоящее окно в мир той войны. Джулиан Феллоу, говоривший о морском флоте, о сражениях в прибрежных бухтах, и с юмором и удивительной тонкостью повествовавший о быте союзников; читая его статьи, Эвелин иногда плакала, а иногда смеялась до слез. И, конечно же, знаменитый Уильям Говард Рассел, рассказывавший в своих репортажах о нехватке медикаментов в британской армии, о волоките и анахронизме британской структуры командования и о превосходстве в организации французской армии во всех отношениях. Тут легко было позабыть о Рэймонде Хэмблтоне (как помнить об этом ничтожном человеке, когда читаешь прекрасные слова Феллоу о работе медсестер под руководством Флоренс Найтингейл?!), и Эвелин позабыла.

Потом, конечно, она думала о нем иногда, особенно когда обручилась с Лоуренсом. Но времена изменились, и Эвелин изменилась сама; она полагала, что ей когда-либо придется увидеться с Рэймондом, и она будет готова.

А теперь он возвратился без предупреждения, и оказалось, ничего не изменилось. В его присутствии, обменявшись буквально несколькими фразами, Эвелин снова почувствовала себя неуверенной простушкой. Не помогло ни присутствие Лоуренса, ни уверенность в своих силах, ни безмолвная поддержка мамы. Рэймонд возвратился, и это означало, что жизнь вновь делается очень и очень нелегкой.

Если кто-то и наслаждался музыкальными номерами в тот вечер, то уж точно не Эвелин. Она даже не запомнила, что играли и кто выступал, а ведь обычно обращала на это внимание. Эвелин сама музицировала, правда, немного, недостаточно хорошо, чтоб принимать участие в таких вечерах. Голос у нее был прекрасный, но петь она стеснялась, не желая выставлять себя

напоказ. Она уже обручена, привлекать мужчин соловьиными трелями ей не нужно – так пусть другие стараются. И она с удовольствием слушала и хлопала, только не сегодня.

Рэймонд сидел на следующем ряду, прямо за ней, и Эвелин постоянно чувствовала на себе его взгляд, и лишь усилием воли не обернулась ни разу. Хотелось в лучших традициях деревенской детворы заехать кулаком по этой самодовольной физиономии. Эвелин всегда страшно недоумевала: как может такой красивый человек быть столь испорченным, столь злым? Почему ненависть заключена в прекрасную оболочку? Что это за проклятие злой феи, а? Ведь раньше Рэймонд временами казался ей нормальным человеком, и каждый раз Эвелин обманывалась. Редкие вспышки его расположения занавешивались многими другими случаями, когда он вел себя отвратительно по отношению к ней. И ведь в обществе Рэймонда притом полагали распушенным, но хорошим человеком; ни от кого Эвелин не слышала таких историй, как ее собственная, а уж если судить по числу его амурных побед, Рэймонд женщин любил. Значит, это она такая особенная, ее он возненавидел от всей души. Но Эвелин никак не могла понять, чем насолила ему еще в детстве.

Она думала обо всем этом, сидела как на иголках и ждала, чтобы вечер поскорее закончился. Можно было бы уехать после первого отделения, когда сделали перерыв на полчаса, дабы выпить пунша, однако это пахло бегством. И Эвелин знала: Рэймонд именно так это и воспримет, потому что это и будет бегство. Поэтому, когда поплодировали последней из выступавших и леди Гилмор объявила перерыв, Эвелин мило попросила Лоуренса отвести ее к столу с пуншем.

Там, наполнив чаши, они отошли в сторону, и Эвелин наконец-то дала волю раздражению:

– Почему вы не предупредили меня, сэр?

– О том, что Рэйн придет со мною? О, простите меня великодушно, милая Эвелин! Я и сам не знал, что он в Лондоне. Появился у меня сегодня на пороге, а я так желал поскорее сообщить ему, что мы с вами теперь обручены... Я не успел предупредить вас!

– Могли бы послать записку, Лоуренс. Вы же знаете, что мы с Рэймондом никогда особо не ладили. – Жених – единственный человек, кто об этом знал, и уж он-то должен был догадаться.

– Вы имеете в виду ваши детские разногласия? Бог мой, Эвелин! Да вряд ли Рэймонд о них помнит, и вам не следует. Чего мы только ни говорили друг другу в детстве, и драки бывали, и ссоры, и слезы! Но это давно закончилось. С чего бы вам вздумалось об этом вспоминать?

Лоуренс выглядел искренне удивленным, и Эвелин вдруг отчетливо поняла: для него тогда ничего особенного не случилось. Даже Лоуренс не понимал глубину ее обид, а рассказывать о них сейчас – значит жаловаться и выглядеть жалкой. Ну уж нет. Эвелин Дверрихаус себе этого не позволит. Она положила ладонь на руку жениха.

– Все не так страшно, и я согласна предать забвению прошлое. Лишь прошу вас: предупреждайте, если сэр Хэмблтон решит нанести нам визит вместе с вами, или же отправится с вами на бал. Мне бы хотелось знать об этом заранее. Можете мне обещать?

– Вам я пообещаю что угодно, – произнес Лоуренс, взял ее ладонь и прикоснулся губами к кружевной перчатке. – Простите меня!

– Вы ни в чем не виноваты, сэр.

К счастью, Рэймонд не навязывал свое внимание: оставив Барбару на попечение тетушки, он фланировал по салону, здороваясь со знакомыми и представляясь тем, с кем знаком не был; продолжая спокойную, добрую беседу с Лоуренсом, Эвелин поглядывала издали, чем занят Хэмблтон. И находила, что он действительно изменился.

Лоуренс все-таки увидел, куда она смотрит.

– Непривычно видеть его здесь, верно? Прошло несколько лет. Возвращения всегда выглядят немного странно.

– Вы рады, что он возвратился, Лоуренс?

– О, конечно. Это прежний Рэйн, хотя... не совсем прежний. Не могу понять, что в нем стало не так. Может, эта его итальянская жизнь...

– Чем он занимался? – наконец, задала Эвелин интересовавший ее вопрос.

– Полагаю, что многими вещами. Рэймонду нравятся новые впечатления, потому он постоянно в разъездах. Я ему писал на адрес его поверенного в Венеции, а тот пересылал письма, так как знал, где Рэйн находится в данный момент. И то мне кажется, не все послания добрались. Он набирался новых впечатлений, знакомился с людьми, много читал. Полагаю, и дрался. – Лоуренс поморщился. – Только никому не говорите. У него новый шрам на лице, и на руке еще один, бог знает, насколько серьезной была рана – я видел лишь кончик его, мелькнувший под манжетой... Рэйн всегда был забиякой и мечтал управляться со шпагой, как с продолжением руки. Думаю, он тренировался с итальянцами.

– Разве мужчины теперь бьются не на саблях?

В Лондоне после окончания войны появилось много офицеров, служивших в Крыму и щеголявших медалями и оружием; сабель Эвелин в этом году навиделась.

– Да, конечно. Но Рэйн всегда любил шпагу. Впрочем, сабля для него тоже не секрет.

– Значит, он занимался тем, что проводил время в Европе, как заглагорассудится.

– Не спешите осуждать его, Эвелин. Я ведь тоже не член парламента и не респектабельный землевладелец.

– Вы совсем другой, Лоуренс.

– Чем же?

Искренний ответ ему бы не понравился, и потому Эвелин ответила обтекаемо:

– Вы спокойнее и не рветесь доказать всему свету, на что способны – в худшем смысле.

– Уверяю вас, дорогая, репутация Рэймонда раздута, причем по большей части им самим.

Она удивилась.

– Вы никогда мне этого не говорили.

– Потому что это его дело и его выбор. А мне надлежит сейчас думать лишь о том, как бы поскорее прижать вас к груди перед алтарем. Честно говоря, не знаю, как выдержу еще полгода до окончания траура.

Эвелин улыбнулась ему успокаивающе. Ее задержка со свадьбой тоже расстраивала, однако не настолько, чтобы беспокоиться из-за этого слишком сильно. Время идет быстро, не успеешь оглянуться, и уже апрель. А она как-нибудь смирится за это время, что Рэймонд Хэмблтон возвратился в ее жизнь.

Глава 5

– Ты с ума сошел, Лоуренс? – Когда дверь экипажа захлопнулась и повозка тронулась с места, Рэймонд, наконец, дал волю своим чувствам. – Почему она? Почему, черт тебя дери, не герцогиня Глостерская – так же абсурдно, но гораздо более выгодно?

– Не понимаю твоего возмущения, – проворчал Лоуренс. – И не ты ли уверял, что если я когда-нибудь решусь жениться, ты с удовольствием помотришь на эту даму? Ну вот, ты ее увидел.

– Но это же Эвелин Дверрихаус! Мы никогда хорошо не относились друг к другу.

– Хочешь сказать, *ты* не относился, – подчеркнул Лоуренс. – Я старался держать нейтралитет. И кстати, самое время сказать: никогда не понимал, Рэйн, отчего ты взъелся на бедную девочку. Она же тебе ничего плохого не сделала.

– Это мое дело.

– Прекрасно, а женитьба – мое. Так ты будешь моим шафером или отказываешься от этой роли?

Похоже, Лоуренс сейчас обидится. Рэймонд глубоко вздохнул и велел себе перестать думать как ребенок.

– Ты не дождешься моего отказа, даже если луна упадет на Англию. Я всего лишь удивлен.

– Ты не знаешь ее, – примирительно сказал Лоуренс. – Когда ты уехал, я почти перестал общаться с нашей прежней компанией. По правде говоря, это было без тебя далеко не так весело, да и пускаться в сомнительные приключения мне что-то расхотелось. С большим удовольствием я бы отправился с тобой в путешествие, но увы, дядя настоял на моем присутствии в Англии. Тебе все это известно. Известно также, как скучно зимними вечерами в Уилтшире. А Дверрихаусы слали нам приглашения, и дядя их часто принимал, и я отправлялся вместе с ним... Потом, однажды, незадолго до смерти лорда Дверрихауса, я и обратил внимание на Эвелин. Был рождественский бал, точно; она вышла туда в наряде белее снега, украшенном камнями, словно сияющими льдинками; и тогда у меня словно глаза открылись. Потом я стал приезжать все чаще и чаще. Поддержал ее и леди Дверрихаус, когда лорд скончался... А затем... Несмотря на обещание дядюшке, я и сам подумывал о том, чтобы жениться, и лучшей девушки, чем Эвелин, мне не найти. Она умна, красива, она обладает чувством юмора и спокойна, как озерная вода; думаю, мы прекрасно проведем годы в Уилтшире, конечно, приезжая в Лондон. Я хочу хорошую семью и много детей.

– Ты любишь мисс Дверрихаус?

Лоуренс возмутился:

– Что за вопрос! Конечно, я люблю ее и считаю дни до нашей свадьбы. Дату мы еще не оглашали, но будет это в середине апреля. Раз ты приехал, нужно готовиться, как считаешь?

Рэйн прикусил губу. В словах Лоуренса звучала неуверенность – та самая неуверенность неприкаянного мальчика, каким Рэймонд его узнал. Напуганный смертью родителей ребенок под крылом сурового дядюшки, ни разу не сказавшего о том, что на самом деле любит племянника. Дядя доказывал это действиями, отношением, деньгами, а вот вслух не произнес ни разу. И сейчас, без его поддержки, Лоуренс наверняка растерян, просто не желает этого показать. Он рано потерял семью и не научился ее строить; подготовка к свадьбе – загадка для него, а женщины Дверрихаус, похоже, ничем ему не помогли.

– Конечно, дружище. Во всем положись на меня.

– Значит, ты не уедешь во Флоренцию?

– Я вижу, твои намерения серьезны. Ты мой лучший друг. Твоя свадьба будет самой прекрасной на свете, не сомневайся.

– Спасибо, – растроганно сказал Лоуренс.

Экипаж укатил, Рэймонд вошел в собственный дом и, отдав лакею верхнюю одежду, поднялся наверх. Кевин, еще днем отосланный домой с лошадьми, чистил хозяйские сапоги, сидя на низенькой скамеечке в гардеробной и насвистывая марш.

– В ноты не попадаешь, – сообщил ему Рэймонд, заглядывая в царство шкафов и вешалок.

– Так точно, сэр. – Кевина собственное отсутствие слуха ничуть не смущало. – Ваш отец уже отправился спать, однако мистер Мейси сказал мне, что ужин может быть подан в любое время.

– Прекрасно. – От недоумения, обуревавшего его у Гилморов, Рэймонд даже забыл прикоснуться к подававшимся закускам. – Пусть принесут в библиотеку. Иди подгони их, а я пока сброшу этот сюртук.

Кевин поставил сапог в ряд других таких же, сверкающих, полюбовался на дело рук своих и отправился исполнять поручение. Рэймонд снял сюртук, ослабил галстук, поразмышлял над халатом и решил обойтись без него. Как будто еще придется куда-то ехать...

Желание уехать прямо сейчас было невыносимым.

В библиотеке, когда Рэймонд пришел, уже сервировали столик у камина; огонь отражался в глянцевах боках яблок, золотил нежную кожицу персиков. Кевин позаботился о том, чтобы сюда принесли кувшин лимонада, а не шерри или бренди, более подходящих для вечернего времяпрепровождения джентльмена; впрочем, может, это и не Кевин: все в доме знают, что молодой хозяин не пьет ничего крепче компота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.